

Владимир Дворкин

ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОСТИЖИМОСТИ

Призывы к ядерному разоружению вплоть до полной ликвидации ядерного оружия стали настолько популярными в последние годы и приобрели так много сторонников, что сколько-нибудь обоснованные программы собственно ядерного разоружения отошли на второй план, уступив место *теологии*.

К ядерному разоружению активно призывают пять хорошо известных организаций, ставящих своей целью ядерное разоружение вплоть до окончательной ликвидации ядерного оружия: движение во главе с четырьмя *всадниками* (Д. Шульц, С. Нанн, Г. Киссинджер, У. Перри), Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы, Международная комиссия по разоружению и нераспространению ядерного оружия Эванса–Кавагучи, Международная инициатива *Глобальный ноль* (*Global Zero*), Пагуошское движение. Все они — авторитетнейшие международные организации, в состав каждой из которых входят действующие и ушедшие со своих постов президенты, министры, сенаторы, религиозные лидеры, известные общественные деятели и авторитетные эксперты. Президенты России и США, а также руководители ряда других государств поддержали идею полного ядерного разоружения как конечную цель.

Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что абсолютное большинство из них прекрасно представляет себе, что безъядерный мир — это не сегодняшний мир минус ядерное оружие. И что ядерный ноль возможен только при совершенно иной системе глобальной и региональной безопасности по сравнению с той, что существует и может быть достигнута в ближайшей перспективе. В такой системе преимущество в безъядерных вооружениях одного государства не представляет никакой угрозы для других государств, а все проблемы, которые могут стать даже косвенными предпосылками к вооруженным конфликтам, должны незамедлительно разрешаться на основе устойчивого международного консенсуса. Другими словами, отказ от ядерного оружия ни в коем случае не может означать *зеленый свет* для больших региональных или локальных войн с применением обычных вооружений или систем на новых физических принципах (лазерных, пучковых, сейсмических и пр.). Поэтапное продвижение именно к такому миру является главной задачей тех, кто призывает к ядерному разоружению, а ликвидация всех запасов ядерного оружия — это всего лишь заключительный этап сложнейшего процесса.

По содержанию *Дорожной карты* к безъядерному миру существуют значительные разногласия. Так, например, многие организации и эксперты не разделяют календарного плана инициативы *Глобальный ноль*, которым предусмотрена полная ликвидация ядерного оружия к 2030 г. Это вполне понятно. Опрометчиво привязывать процесс ядерного разоружения к конкретному сроку в то время, когда сложно прогнозировать наступление даже первичных шагов на этом пути. Вряд ли

З
И
Л
А
Н
А

можно предполагать, когда вступит в силу Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), несмотря на решимость администрации президента Барака Обамы. Еще более неопределенная ситуация с Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ). Когда, например, могут разрешиться продолжающиеся уже много лет северокорейский и иранский ядерные кризисы?

Наконец, есть практически главные действующие фигуры, оказывающие решающее влияние на динамику процессов ядерного разоружения — Россия и США, и сложно прогнозировать успешный ход дальнейшего ядерного диалога между ними.

Безусловно, подписание и ратификация Пражского договора по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) стали важным шагом на пути дальнейших сокращений ядерных вооружений и способствовали успешному завершению Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Вместе с тем, Новый договор СНВ продемонстрировал заметное совпадение ядерной политики Москвы и Вашингтона — отсутствие намерений осуществлять в обозримой перспективе реальные сокращения своих стратегических наступательных вооружений ниже уровня, зафиксированного еще в 2002 г. в Московском договоре СНП (1700–2200 ядерных боезарядов). В этом отношении можно проследить устойчивую позицию как администрации Барака Обамы, так и предыдущей администрации Джорджа Буша, которая не считает целесообразным сокращать американскую стратегическую триаду ниже уровня, установленного Московским договором СНП. В октябре 2008 г. Госдеп США представил в МИД России документ под названием «Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по укреплению транспарентности и доверия в отношении сокращения стратегических наступательных ядерных потенциалов». В проекте Договора предлагалось сохранить предельный уровень развернутых стратегических боезарядов (БЗ) до 1700–2200 единиц в течение 10 лет после вступления его в силу, а основной упор был сделан на систему контроля. При этом уровни СНВ в Московском договоре СНП еще до его подписания были зафиксированы в очередном ядерном обзоре США.

Пониженный уровень боезарядов по Пражскому договору обусловлен по существу всего лишь изменением правил засчета боезарядов на тяжелых бомбардировщиках (ТБ). Если принять, что на 56 развернутых американских ТБ B-52 реально могут быть размещены 1120 боезарядов, а по правилам условного засчета в Договоре СНВ-1 — 672 боезаряда, то теперь их остается 56. Таким же путем реальное количество боезарядов (более 850) на 77 развернутых российских ТБ типа Ту-160 и Ту-95МС превращается в 77 боезарядов.

Нынешняя позиция администрации президента Барака Обамы по дальнейшим сокращениям СНВ и переговорам по этой проблеме с Россией практически полностью соответствует тому, что изложено в статье Д. Шульца и У. Перри, опубликованной в апреле 2010 г.¹ Среди прочего речь в ней идет о том, что прежде, чем договариваться с Россией о новых сокращениях стратегических наступательных вооружений, необходимо решить задачу объединения усилий в сфере противоракетной обороны (ПРО) в формате США–Россия–НАТО. В статье также предлагается параллельно вести консультации по тактическому ядерному оружию (ТЯО) и обычным вооружениям в Европе, по проблемам Ирана и Северной Кореи, но на первом месте — ПРО.

СОКРАЩЕНИЕ НЕСТРАТЕГИЧЕСКИХ (ТАКТИЧЕСКИХ) ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Уже в ходе переговоров по Новому договору СНВ американский Сенат настаивал на включении этого вида вооружений в рамки сокращений, но этого не могло произойти и не произошло. В новой ядерной доктрине США особо отмечена

обеспокоенность по поводу российских нестратегических ядерных вооружений и указано на необходимость включить их в повестку дня будущих переговоров. Поэтому есть все основания ожидать в будущем усиления давления США и НАТО в данном направлении. В частности, в пользу этого приводится несколько конкретных доводов:

- ❑ принято считать, что по данному классу вооружений у России сохраняется большое преимущество над США и НАТО, и при снижении уровней СЯС оно станет более рельефным;
- ❑ в военное время ТЯО разворачивается в составе сил общего назначения и может быть сразу вовлечено в конфликт с высоким риском ядерной эскалации;
- ❑ предположительно, ТЯО не оснащено столь же надежными системами предотвращения несанкционированного применения, как СЯС, и в связи с этим опасность несанкционированного ядерного удара средствами ТЯО соответственно выше;
- ❑ общепринято, что средства ТЯО на передовых базах менее сохранны от угрозы хищения, имеют относительно малые весо-габаритные характеристики, менее эффективные блокирующие устройства (особенно у старых типов) — и потому представляют собой заманчивый объект для террористов.

Российская позиция по этим вопросам остается относительно замкнутой и сводится к необходимости вывода американских средств ТЯО из Европы на национальную территорию как условия начала любого диалога по этой теме. Для обсуждения в российских экспертных кругах и прессе это тоже остается почти закрытой темой.

В настоящее время только США имеют ядерное оружие за рубежом численностью порядка 200 тактических авиабомб на территории пяти стран — членов НАТО (Бельгия, Нидерланды, Италия, ФРГ, Турция). В последние годы американское ТЯО было выведено из Греции и Великобритании. После снятия тактических ядерных средств с американских кораблей и подводных лодок, Япония, в портах которой базировался 7-й оперативный флот США, также выбыла из этого списка. В вышеупомянутых пяти странах — членах НАТО и между союзниками по Альянсу идет весьма серьезная дискуссия о целесообразности дальнейшего нахождения американского ТЯО в Европе.

Согласно односторонним президентским ядерным инициативам СССР и России от 1991–1992 гг., принятым в ответ на аналогичную инициативу США и в связи с распадом ОВД и СССР, предусматривалось переместить все ТЯО сухопутных войск на предзаводские базы предприятий по сборке ядерных боеприпасов и на склады централизованного хранения и впоследствии полностью их ликвидировать. Предполагалось также ликвидировать 30% ТЯО ВМФ, 50% боеголовок зенитных ракет ПВО и 50% средств ВВС. Было предложено переместить совместно с США все ТЯО ВВС на склады централизованного хранения, но это не встретило поддержки Вашингтона (поскольку затронуло бы зарубежные базы ТЯО ВВС США, являвшиеся символом ядерных гарантий союзникам).

Насколько известно, к 2000 г. все ТЯО флота и авиации ВМФ было перемещено на централизованные хранилища, а 30% этих средств было ликвидировано. Было ликвидировано 50% ТЯО ВВС и 50% боеголовок зенитных ракет ПВО, а также частично были уничтожены ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин сухопутных войск.

В настоящее время большинство экспертных оценок сводится к наличию у России примерно 2000 единиц ядерных боезарядов оперативно-тактического назначения. Из них в ВВС около 500 тактических ядерных авиационных ракет и бомб для 120 бомбардировщиков средней дальности типа Ту-22М и для 400 фронто-

вых бомбардировщиков типа Су-24. Кроме того есть примерно 300 авиационных ракет, бомб свободного падения и глубинных бомб для морской авиации в составе 180 самолетов Ту-22М, Су-24, Бе-12 и Ил-38. Свыше 500 единиц ТЯО — это противокорабельные, противолодочные, противовоздушные ракеты, а также торпеды кораблей и подводных лодок, включая до 400 ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности, которыми могут быть оснащены многоцелевые подводные лодки. Около 100 ядерных боеголовок предназначено для ракет-перехватчиков Московской системы ПРО А-135 и еще 630 для зенитных ракет систем С-300.

В течение 1990-х гг. все российские средства ТЯО сухопутных войск и ПВО, а также преобладающая часть тактического ядерного оружия ВВС и ВМФ были передислоцированы на объекты централизованного хранения 12-го Главного управления Министерства обороны, где они хранятся как резерв или стоят в очереди на демонтаж и утилизацию. По заявлениям представителей военно-политического руководства России, все нестратегические ядерные средства находятся на объектах централизованного хранения.

Россия видит в ТЯО, во-первых, инструмент нейтрализации превосходства НАТО по силам общего назначения. Поэтому Москва пока не изъясляет энтузиазма по поводу переговоров на эту тему. В прошлом США тоже избегали этого, стремясь сохранить свои ядерные силы передового базирования в Европе.

Для России ТЯО — это противовес ядерным силам третьих держав, практически все из которых находятся в пределах досягаемости своих ядерных средств до российской территории. Сокращение СЯС по договорам с США относительно увеличивает роль нестратегических ядерных средств РФ в сдерживании ядерных стран Евразии.

Не может не учитываться рост военной мощи Китая, имеющего более 4428 км общей сухопутной границы с РФ, хотя эта тема замалчивается в российских официальных документах.

При обсуждении проблем сокращения ТЯО в качестве предварительного этапа необходимо будет уточнить дефиниции. К нестратегическим системам логично отнести те ядерные вооружения, которые не охвачены существующими договорами по СНВ и ракетам средней и меньшей дальности (РСМД). Тогда к носителям ТЯО следует отнести баллистические и крылатые ракеты наземного базирования с дальностью менее 500 км, боевые самолеты с дальностью полета менее 8000 км и не оснащенные для крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности (с дальностью более 600 км) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) дальностью менее 600 км. Кроме того, исходя из уже упоминавшихся односторонних президентских инициатив США и СССР/России начала 1990-х гг. о сокращении и ликвидации ТЯО, к этим системам относятся артиллерийские системы и ядерные мины (фугасы) сухопутных войск, зенитные ракеты ПВО, ракеты и бомбы (в том числе глубинные бомбы) ударной нестратегической авиации ВВС и ВМС/ВМФ, а также разнообразные тактические зенитные, противокорабельные и противолодочные ракеты, торпеды боевых кораблей и многоцелевых подводных лодок.

Некоторые ядерные бомбы свободного падения (например, американские В-61) являются вооружением как тяжелых бомбардировщиков, так и тактической ударной авиации.

Но главная проблема состоит в том, что для ТЯО используют носители двойного назначения (средние бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, ракеты малой дальности и зенитные ракеты, боевые средства кораблей и подводных лодок, крупнокалиберная ствольная артиллерия). Эти носители размещаются на пусковых установках двойного назначения и многоцелевых кораблях и подводных лодках. Поэтому ограничение, сокращение или ликвидацию ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию носите-

лей или платформ (вроде ПЛАРБ), поскольку почти все они относятся к вооружениям сил общего назначения, предназначены главным образом для применения в обычных боевых операциях и частично охвачены другими договорами (такими как ДОВСЕ применительно к боевым самолетам и крупнокалиберной артиллерии). Поэтому сколько-нибудь существенное сокращение ТЯО по методике СНВ повлекло бы радикальное урезание систем и вооружений ВВС, ВМС, сухопутных войск и ПВО и ПРО.

На переговорах по СНВ США настояли на принципе засчета ядерных вооружений на основе *оперативно развернутых* средств и тем самым видоизменили проблему ТЯО. Ведь *оперативно развернутые* боеголовки — это те, что реально размещены на БРПЛ и МБР. Вооружения ТБ (КРВБ и бомбы) в Новом договоре СНВ не засчитываются как отдельные развернутые боезаряды, поскольку в мирное время они находятся не на самолетах, а на складах.

По тому же принципу и на основе прецедента все российские и американские средства ТЯО тоже не являются оперативно развернутыми, поскольку не размещены на носителях в мирное время, а находятся на складах (на базах ВВС и ВВС/ВМФ или в централизованных хранилищах). Поэтому консультации и возможные переговоры по ТЯО следует вести по отношению к количественным характеристикам только боезарядов.

Сенаторы и представители экспертного сообщества США призывают сразу же приступить к согласованию верифицируемых процедур сокращения ТЯО. Однако это связано с контролем количества боезарядов в активном и пассивном резерве, а также боезарядов, предназначенных для утилизации в хранилищах и на предприятиях. Очевидно, что это бесперспективный подход, поскольку ни Россия, ни США сегодня не готовы допустить контролеров в свои хранилища, тем более что ядерные боезаряды для стратегических и нестратегических носителей могут храниться совместно.

Представляется, что на обозримую перспективу реальным может быть поэтапный подход к ограничению и сокращению ТЯО России и США. Таких этапов может быть четыре.

На *первом этапе* стороны могли бы обменяться данными по тем нестратегическим ядерным вооружениям, которые были уничтожены при реализации односторонних президентских инициатив начала 1990-х гг., включая принадлежность и количество ядерных боезарядов.

На *втором этапе* — осуществление консультаций и согласование односторонних инициатив без использования верификационных процедур.

Третий этап — продолжение консультаций и реализация согласованных инициатив с частичной их верификацией.

Четвертый этап — переговоры на основе проекта договора об ограничении и сокращении ТЯО, который должен включать в себя полномасштабный механизм верификации, без которого любой договор не имеет смысла.

Первый этап не требует пояснений. На втором этапе Россия и США могли бы последовательно, на основе согласованных или односторонних инициатив обмениваться информацией сначала об общем количестве боезарядов ТЯО, затем о местах их хранения, далее о количестве боезарядов по их типам, о количестве боезарядов в активном резерве и ожидающих очереди на утилизацию. Представляется, что первый шаг на этом пути могла бы сделать Россия, объявив по аналогии с США об общем количестве ядерных боезарядов (развернутых и в активном резерве)² и пойти дальше — указав отдельно их количество для СЯС и ТЯО.

Важное решение на этом этапе могло бы быть принято российским руководством по отношению к ядерным боезарядам, предназначенным для систем ПВО и ПРО, которых по экспертным оценкам насчитывается около 700 единиц. Москва мог-

ла бы без всякого ущерба для безопасности России объявить о переводе ядерных боезарядов систем ПВО и ПРО в категорию, предназначенную для полной утилизации.

На третьем этапе в качестве первого шага можно было бы договориться о перемещении всех тактических ядерных боеприпасов (ЯБП) с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения, что можно было бы легко проконтролировать, поскольку дислокация таких баз известна, и они должны быть пустыми. Уверенность в нахождении нестратегических ЯБП на централизованных хранилищах подтвердит максимальную их сохранность от угрозы захвата террористами, несанкционированного перемещения или применения. Потребуется также договоренность об инспекциях по запросу с коротким временем предупреждения (аналогичных тем, что согласованы по СНВ для баз МБР, БРПЛ и ТБ) на базах ВВС и ВВС/ВМФ как на территории России, так и на территории США (а возможно, и их зарубежных союзников). Такая практически возможная договоренность может оказаться гораздо более трудной проблемой для США, чем для России, и потребовать от них более масштабных мероприятий.

Для обеспечения транспарентности процесса утилизации ядерных боезарядов механизмы верификации могут быть разработаны на основе того технологического задела, который был создан совместно российскими и американскими специалистами в середине 1990-х гг. Эта работа была прервана в 1999 г. с началом военной кампании НАТО в Югославии. Теперь ее следует возобновить, используя те возможности, которые предоставляет вступившее в силу российско-американское Соглашение 123.

Четвертый этап предусматривает начало полномасштабных переговоров об ограничении и сокращении ТЯО на базе подготовленных сторонами проектов договора. Особенности и детали этого этапа будут в значительной степени зависеть от результатов, достигнутых на первых трех этапах, поэтому в настоящее время описать их достаточно трудно. Можно только констатировать, что для подтверждения договорных уровней боезарядов ТЯО необходимы инспекции мест их хранения, а препятствия на пути реализации такого механизма контроля уже были описаны выше. При этом достижение согласия по равным потолкам ТЯО для России и США представляется нереальным в силу различий геостратегического положения двух государств.

Вместе с тем при обсуждении возможности начала консультаций, согласованных или односторонних инициатив и в дальнейшем переговорных процессов, необходимо учитывать разногласия в военно-политической сфере, прежде всего в приоритетах обеспечения военной безопасности. Если, например, США настаивают на переговорах по ТЯО без предварительных условий, то Россия связывает эту возможность с прогрессом по реформатизации ДОВСЕ, в сотрудничестве по ЕвроПРО и по договоренностям по стратегическим неядерным вооружениям. Традиционное требование России — вывод американского ядерного оружия из Европы. Это обосновано тем, что если раньше при подавляющем превосходстве в Европе вооруженных сил ОВД это оружие еще могло считаться средством сдерживания, то при нынешнем подавляющем военном превосходстве НАТО оно может рассматриваться Россией как средство нападения.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ЕВРОПРО

Отсутствие взаимоприемлемого компромисса по ЕвроПРО считается одним из главных препятствий на пути дальнейших сокращений стратегического и нестратегического ядерного оружия России и США.

Препятствия на пути достижения соглашений о сотрудничестве России и США/НАТО в построении ЕвроПРО формально связаны, главным образом, с разногласиями по ракетным и противоракетным угрозам, а также с требованиями Москвы о пре-

доставлении юридически обязывающих гарантий о ненаправленности ЕвроПРО против ядерного потенциала России.

Ракетные угрозы

Утверждения об отсутствии в настоящее время ракетных угроз для Европы с южно-го направления справедливы в такой же степени, в какой сейчас нет и системы ПРО для защиты территорий России и Европы.

Оценки ракетных угроз со стороны Ирана и Северной Кореи на обозримую перспективу выполнены недавно российскими, американскими и европейскими специалистами в рамках проектов Института Восток–Запад и Международного института стратегических исследований (IISS), в которых представлены детальное состояние и перспективные разработки северокорейских и иранских баллистических ракет и ракет-носителей космических аппаратов³.

Полученная информация позволяет прогнозировать возможные сроки создания Ираном баллистических ракет повышенной дальности.

Иранские баллистические ракеты *Шехаб-3М (Гадр-1)* с форсированной двигательной установкой и системой управления повышенной точности достигают дальности до 2000 км с полезной нагрузкой 750 кг. При снижении полезной нагрузки до 500 кг дальность полета увеличивается более чем на 200 км⁴.

Иранские мобильные двухступенчатые твердотопливные баллистические ракеты *Седжил-2* обладают дальностью 2200–2400 км с полезной нагрузкой 750 кг. При последовательном совершенствовании конструкции корпусов маршевых ступеней ракеты *Седжил-2*, вплоть до использования композиционных материалов, ее дальность возрастет до 3500 км.

Таким образом, время, необходимое Ирану для производства баллистических ракет повышенной дальности, вполне сопоставимо с планируемым временем развёртывания ЕвроПРО.

Еще более важным является перспектива создания Ираном ядерного боезаряда, пригодного для оснащения баллистических ракет. По этому вопросу также опубликован ряд прогнозных материалов независимых экспертов. Они сходятся в том, что Иран способен создать ядерный боезаряд примерно за один год. Некоторые из них считают, что это возможно после принятия руководством Ирана политического решения. Только не учитывается, что о принятии такого решения власти не будут сообщать, и нельзя исключать, что оно уже принято.

Опубликованный в ноябре 2011 г. доклад МАГАТЭ по совокупности приведенных данных усилил подозрения мировой общественности, что Иран создает ядерный боезаряд. В частности, отмечено, что Иран в течение четырех лет блокировал попытки МАГАТЭ проверить поступившую информацию о том, что в стране тайно разработаны проект и чертежи ядерного боезаряда, проводились эксперименты по подрыву ядерного взрывного устройства и разрабатывались другие компоненты в рамках оружейной ядерной программы⁵.

Противоракетные угрозы

Официальные российские представители и отдельные эксперты полагают, что ЕвроПРО на последних фазах своего развертывания при использовании перехватчиков *СМ-3* модификаций *IB* и *IIB* вместе с комплексами *THAAD* и радары *X*-диапазона, а также стратегические противоракеты *GBI* вместе с радары системы предупреждения о ракетном нападении будут угрожать потенциалу ядерного сдерживания России.

Оценки потенциальных угроз выполнялись для случая размещения наземного варианта противоракет *СМ-3* модификации *II/B*, имеющих скорость до 5,5 км/сек, в Польше и старте российских МБР из районов Выползово (ракеты типа *Тополь*), Татищево (ракеты типа *УР-100Н УТТХ*) и из Оренбургской области (ракеты типа *Р-36М2*).

С учетом траекторий полета МБР, стартующей из района Выползово в северо-западном направлении, и противоракеты *СМ-3*, времени обнаружения запуска МБР, старта и полета противоракеты, ступень поражения противоракеты из-за недостаточной скорости не успевает перехватить боеголовку МБР (запаздывание составляет примерно 3 минуты). Если бы в Польше находились противоракеты *GBI*, то благодаря их более высокой скорости полета теоретически столкновение ступеней перехвата и боеголовки могло бы произойти.

Похожая ситуация складывается при старте российских МБР из районов Татищево и из Оренбургской области.

Следует отметить искусственность таких построений, связанных с пусками всех российских МБР в северо-западном направлении. При реальном планировании так не поступают. Но если бы даже траектории российских МБР и американских противоракет пересекались, то это не означало бы возможности эффективного перехвата боеголовок российских МБР. Можно напомнить предыдущие оценки возможности перехвата иранских баллистических ракет с простыми средствами преодоления ПРО стратегическими противоракетами *GBI*. При размещении их в Польше по плану администрации Джорджа Буша потребовалось бы в среднем пять противоракет для надежного перехвата одной иранской баллистической ракеты. Российские МБР и БРПЛ оснащены значительно более эффективными комплексами преодоления ПРО, которые разрабатывались в течение нескольких десятков лет и продолжают находиться в стадиях модификации и адаптации к перспективным системам ПРО. Оценки американских и российских независимых экспертов показали, что для перехвата только одной боеголовки российской МБР потребовалось бы не менее 10 стратегических противоракет *GBI*. Поэтому планировать их применение для перехвата российских ракет представляется совершенно нерациональным.

Теоретически опасность для России могла бы возникнуть только в случае массированного наращивания Соединенными Штатами наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата МБР и их боеголовок на всех участках траектории полета по программе *звездных войн*, что связано с возвратом к ядерному противостоянию и новой гонке вооружений. Однако вероятность такого радикального обострения отношений между Россией и США ничтожна. Но даже при этом сценарии полностью обезопасить себя от ответного удара США не смогли бы.

Выводы о весьма незначительном влиянии как ЕвроПРО, так и ПРО территории США на потенциал сдерживания российских СЯС относятся к двустороннему стратегическому балансу двух ядерных сверхдержав. Помимо этого, российская стратегия ядерного сдерживания по логике относится и к европейским странам — членам НАТО, которые обладают не только значительным превосходством в силах общего назначения, но имеют в своем составе два ядерных государства: Францию и Великобританию. Поэтому можно предположить, что планы боевого применения российских СЯС могут предусматривать поражение административно-промышленных и военных объектов на территории Европы. Когда информационные и противоракетные средства ЕвроПРО морского и наземного базирования приобретут теоретическую возможность перехватывать МБР, их влияние на потенциал сдерживания СЯС России будет относительно больше. Но с учетом исключительно высокой эффективности существующих и перспективных средств преодоления ПРО, которыми оснащены российские МБР и БРПЛ, мощность ответного удара СЯС России по территории Европы была бы уменьшена не более, чем на нескольких процентах, и была бы абсолютно неприемлемой для НАТО.

Отдельного внимания заслуживает возможность компромиссного решения в связи с требованиями России о предоставлении юридических гарантий ненаправленности ЕвроПРО против российского потенциала ядерного сдерживания. В качестве основы такого компромисса могут рассматриваться варианты совместной ЕвроПРО для каждой фазы построения этой системы, согласованные российскими, американскими и европейскими специалистами в рамках завершившегося проекта *Евроатлантическая инициатива по безопасности*, презентация которого состоялась 4–5 февраля 2012 г. в Мюнхене⁶.

В представленных вариантах архитектуры такой ЕвроПРО, в частности, нет американских кораблей с системами ПРО в Балтийском, Черном и Баренцевом морях, что вызывает повышенную озабоченность российского руководства. Если эти варианты архитектуры будут официально согласованы, то вопрос о гарантиях ненаправленности ЕвроПРО против СЯС России может быть полностью снят.

Все эти рассуждения основаны на реликтовой концепции взаимного ядерного сдерживания России и США, которая не только не имеет никакого смысла после окончания противостояния двух мировых систем, но и служит сильным препятствием для полноценного сотрудничества во многих сферах безопасности, о чем уже много лет говорят и пишут многие авторитетные эксперты.

Области сотрудничества

До конца текущего десятилетия Россия не будет располагать средствами перехвата баллистических целей, подходящими для совместной ЕвроПРО. Причина в том, что комплекс *С-400*, эффективный для перехвата воздушных целей, по перехвату баллистических целей, насколько известно, еще не испытывали. К тому же, если судить по опубликованным характеристикам (дальность поражения баллистических целей — 5–60 км, высота — до 30 км), он мог бы перехватывать боезаряды только оперативно-тактических ракет, которые ни Европе, ни России не угрожают. Речь может идти только о защите воинских контингентов за пределами Европы.

Создаваемый противоракетный комплекс *С-500* находится в стадии эскизного проектирования. Мишени для летных испытаний этого комплекса может обеспечить в перспективе МБР *Тополь-Э*, способная имитировать траектории полета ракет средней дальности. Для успешного завершения процесса натурных испытаний потребуются не менее десятка пусков ракеты *Тополь-Э*, что повлечет за собой значительные финансовые затраты. Вслед за этим необходимо обеспечить развертывание серийного производства комплекса *С-500*.

При этом следует учитывать, что США испытывали свои системы ПРО типа *ТНААД* и *Иджес* с противоракетами *СМ-3* по реальным баллистическим целям 10–15 лет в нескольких десятках пусков и только теперь довели их до некоторого условного уровня работоспособности.

Имеющиеся противоракеты системы ПРО *А-135* Московского региона не пригодны для использования в ЕвроПРО. Применение этой системы с ядерными боезарядами противоракет дальнего и ближнего перехватов даже в разгар холодной войны нельзя было признать безопасным, поскольку могло спровоцировать ядерный фейерверк над своей территорией при попытке поразить любую цель, в том числе боеголовки с обычным взрывчатым веществом или даже *болванку*, запущенную в провокационных целях.

Однако отсутствие в России необходимых для ЕвроПРО противоракетных комплексов не должно служить препятствием для тесного сотрудничества в сфере интеграции информационных средств ПРО России, США и Европы, что заметно повышает ее эффективность. Первыми шагами вполне может быть разработка и согласование архитектуры интегрированных информационных систем.

З
И
Л
А
Н
А

В этой области в последнее время выполнен значительный объем исследований в рамках российско-американских и других совместных проектов. Специально по этой теме весьма интенсивно работает *Евроатлантическая инициатива по безопасности*.

В эту архитектуру, помимо систем и средств предупреждения о ракетном нападении России и США, целесообразно включить вполне современные и высокоэффективные радары Московской системы ПРО А-135: *Дунай-3У* и *Дон-2Н*, которые обеспечивают обнаружение баллистических целей на расстоянии до 6 тыс. км, их сопровождение и наведение противоракет, и американские радары ПРО, планируемые для базирования в Европе и восточной части Турции.

Информация от любых систем, спутников и радаров, которые обнаружили стартовавшие баллистические ракеты, поступает в совместный Центр, где вся информация обрабатывается, и дублирование только повышает эффективность обнаружения баллистических целей. В перспективе, когда в России появятся сопоставимые с американскими средства перехвата, принцип должен быть таким же: запускаются те противоракеты, которые способны поразить цель. И если к цели будут одновременно направлены противоракеты России и США, то это только повысит эффективность перехвата, которая всегда будет конечной. При этом необходимо иметь в виду, что система ПРО должна быть полностью автоматизирована, поскольку счет идет на доли минут и даже секунд, и именно такая система должна выбирать оптимальные средства перехвата. Разбираться на командных пунктах в том, чей это сектор, времени не будет.

Пока что предполагается, что каждая из участвующих в ЕвроПРО сторон будет защищать собственную территорию, хотя и допускается существование согласованных оперативных протоколов, позволяющих одной стороне осуществлять перехват ракеты, пролетающей через ее территорию, в случае если она нацелена на нанесение удара по территории другой стороны.

Можно принять эти положения на начальном этапе как следствие недостаточного доверия между договаривающимися сторонами и как дань настойчиво повторяемых генсеком НАТО и представителями стран Восточной Европы утверждений о незыблемости статьи V Североатлантического договора. Хотя в этой статье не сказано, что безопасность стран — членов НАТО должна обеспечиваться только альянсом без посторонней помощи. Положение этой статьи можно трактовать лишь с точки зрения ответственности НАТО за безопасность членов альянса. Но и такая трактовка находится в противоречии с уже реально осуществляемым взаимодействием в соседних сферах обеспечения безопасности. Так, например, в июне 2011 г. истребители России и НАТО участвовали в совместном антитеррористическом учении *Бдительное небо-2011*, обеспечивали которое основные координационные центры в Москве и Варшаве и локальные пункты в России, Польше, Норвегии и Турции. При этом польские самолеты вместе с российскими осуществляли перехваты *нарушителя* и его сопровождение в общем воздушном пространстве, не связывая свои действия с пресловутым суверенитетом. Аналогичные учения проведены с участием турецких и российских истребителей.

Такой может быть совместная ЕвроПРО в отдаленной перспективе, а пока в поисках компромисса, чтобы как-то продвинуться вперед, в качестве рамочного соглашения США и НАТО предлагают формировать две отдельные системы ПРО, которые координируют свои потенциалы. Параллельно с этим предлагается создать две структуры совместной ПРО, одна из которых — Центр интеграции данных от российских и натовских радаров и спутников, другой — Центр с российскими и натовскими офицерами, который должен осуществлять круглосуточное планирование и координацию работы двух систем ПРО.

Первый центр — это по существу реанимация на новом этапе решения президентов России и США 1998 г. о создании в Москве Центра обмена данными от систем

предупреждения о ракетном нападении (ЦОД), который был во многом готов, но не доведен до конца по различным второстепенным причинам. Одна из них, насколько известно, заключалась в намерении американской стороны отфильтровывать часть информации от своей системы предупреждения. В новых условиях вопрос фильтрации данных должен быть решен отдельно. Можно, конечно, отфильтровывать ложные сигналы от систем предупреждения отдельно в центрах управления каждой стороны, но для этого надо, как минимум, согласовать алгоритмы фильтрации до передачи информации в общий Центр. Представляется, однако, что целесообразно было бы фильтровать всю информацию от систем предупреждения сторон в общем Центре и не опасаться большого объема ложных тревог, поскольку гораздо более важно для каждой из сторон не пропустить реальный сигнал о пусках ракет, чем совместно обрабатывать большой объем ложных тревог.

Судя по всему, американцы склоняются к так называемому виртуальному ЦОДу в отличие от того, который был согласован ранее, где предусматривалось нахождение совместных дежурных расчетов России и США. Теперь же предлагается осуществлять обмен информацией между национальными дежурными сменами через защищенные каналы интернета. У виртуального Центра есть как преимущества, так и недостатки. Но по совокупности плюсов и минусов с точки зрения надежности получаемой информации и исключения недоразумений лучшим вариантом представляется все-таки работа *лицом к лицу*.

* * *

Достижение компромиссов в сотрудничестве по построению ЕвроПРО может иметь решающее значение для продолжения процессов сокращения ядерного оружия и трансформации взаимного ядерного сдерживания, бесполезного в новой системе военно-политических отношений, поскольку совместная ПРО означает переход от партнерства по существу к союзническим отношениям, при котором взаимное ядерное сдерживание естественным путем исключается. Без этого перспективы дальнейших сокращений стратегических ядерных вооружений (например, до уровня 1000 боезарядов, что было бы более выгодно для России, поскольку не нужно было бы наращивать свои СЯС до уровней Пражского договора СНВ) представляются трудно достижимыми.

Переход к поэтапному прекращению состояния взаимного ядерного сдерживания между Россией и США должен включать и другие шаги, в том числе контролируемый отказ от концепций ответно-встречных ударов, то есть от пусков ракет на основании информации от систем предупреждения о ракетном нападении. С этой целью возможно последовательное увеличение организационными и техническими мерами времени подготовки ракет к пускам, надежно контролируемым инспекционными группами сторон, с охватом на первом этапе как минимум 50% стратегических ядерных сил, в том числе, но не исключительно, путем отстыковки и раздельного хранения боезарядов от носителей.

К мерам, способствующим дальнейшим сокращениям ядерных вооружений, следует отнести концептуальное снижение приоритетности опоры на ядерное оружие и ядерное сдерживание в стратегии обеспечения национальной безопасности США, России, Великобритании, Франции и Китая, зафиксированное в основных доктринальных документах и программах.

Примечания

¹ *The New York Times*. 2010, April 4.

² Согласно недавно опубликованным официальным данным, США имеют в боевом составе СЯС, сил ТЯО и в резерве первой очереди на складском хранении 5 113 ядерных

боезарядов, а по оценкам независимых специалистов — еще примерно 4 200 ядерных боезарядов предназначены для утилизации. Количество последних может увеличиться в связи с сокращением СЯС по Новому договору СНВ, согласно которому большая доля сокращений будет осуществляться путем снятия части боеголовок с многозарядных ракет и перемещения их на складское хранение и выгрузки части БРПЛ из пусковых установок подводных лодок с размещением боезарядов на складах.

³

Iran's Ballistic Missile Capabilities. A Net Assessment. London, IISS. 2010.

⁴

Ibid.

⁵

См.: IAEA. GOV/2011/65. 2011, 9 November.

⁶

Missile Defense: Toward a New Paradigm. EASI: Moscow, Brussels, Washington. Carnegie Endowment. 2012, February.